DOI: 10.17976/jpps/2021.02.07

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕХАНИЗМЫ КОНВЕРТАЦИИ В КОНСТРУКТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ

И.В. Самаркина, И.С Башмаков

САМАРКИНА Ирина Владимировна, доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: smrkn@mail.ru;
БАШМАКОВ Игорь Станиславович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: igorbash87@mail.ru

Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи. – Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99-112. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 "Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)".

Статья поступила в редакцию: 24.09.2020. Принята к публикации: 21.12.2020

Аннотация. В статье представлены результаты исследования локальной идентичности городской молодежи и механизмов ее конвертации в общественно-политические практики (на материалах Краснодарского края). Поиск триггеров и моделей, актуализирующих локальную идентичность молодежи, а также механизмов конвертации этой идентичности в конструктивные практики молодежи составляет основную содержательную задачу исследования. Посредством теоретического анализа сформулирована концептуальная модель городской идентичности молодежи как части субъективного пространства политики и инварианта локальной идентичности. Она включает (а) молодежь в качестве субъекта-носителя идентичности, а также (б) содержательную составляющую (феномен локальной идентичности), (в) параметры объекта идентификации (города как значимого места – на данном жизненном этапе личности), (г) практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность, (д) систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности, (е) механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики. На основе проведенного эмпирического исследования выявлено место локальной идентичности в системе социальных и территориальных идентичностей городской молодежи; показана зависимость размера города и когорты молодежи с локальной идентичностью; описано семантическое пространство города и особенности его конфигурации в разных возрастных когортах молодежи; выявлены прямая и обратная модели конвертации смыслов локальной идентичности в социально-политические практики молодежи и показан их диалектический характер; определены и описаны три триггерные зоны конвертации локальной идентичности в социально-политические практики городской молодежи, обладающие различными ресурсами актуализации локальной идентичности (зона прямой конвертации, зона потенциальной конвертации локальной идентичности в конструктивные практики и зона потенциальной конвертации локальной идентичности в деструктивные практики); выявлены и описаны административно-управленческий, политический,

публичный и сетевой механизмы конвертации локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи.

Ключевые слова: субъективное пространство политики, локальная идентичность, городская идентичность, социально-политические практики, сетевые практики, молодежь, конвертация ресурсов идентичности, модели конвертации, механизмы конвертации.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Противоречивые социальные изменения, происходящие в современном обществе, тесно связаны как с институциональными, так и с неинституциональными аспектами функционирования политической системы. Для понимания факторов, определяющих содержание социально-политических практик, неинституциональные аспекты происходящих изменений являются столь же важным слагаемым, как и изменения институтов. Подчеркнем, что изменения, происходящие в направлении цифровизации и сетевизации общества, затронули как институциональные, так и неинституциональные стороны функционирования политики: мы наблюдаем процессы цифровизации, в том числе и политической жизни; а также изменения в ценностях, представлениях и установках, как минимум, отдельных возрастных групп, позволяющие говорить о формировании нового "цифрового" поколения. В фокус исследовательских интересов закономерно попадает самая активная, динамичная и организованная социально-демографическая группа общества – молодежь. Именно эта группа демонстрирует синергетический эффект влияния цифровизации.

Исследования спектра социальных идентичностей как части субъективного пространства политики стали в последнее время отдельным предметным полем междисциплинарных исследований. Вместе с тем большая часть исследований территориальной идентичности в зарубежной и отечественной науке посвящена национальной, наднациональной или субнациональной идентичности. Во всем многообразии территориальных идентичностей наиболее разработанным является понятие региональной идентичности [Morgan 1939; Seamon, Sowers 2008; Paasi 2011: 12]. В российской науке сформировалась собственная традиция исследования региональной идентичности [Мелешкина 1999; Туровский 2003; Смирнягин 2007; Назукина 2011].

Понятие локальной (городской, поселенческой, соседской) идентичности находится в стадии концептуализации и наполнения его эмпирическим содержанием. Эту идентичность связывают с идентичностью места [Lynch 1960], рассматривают как пространство значений и смыслов для его обитателей [Tuan 1977], как городскую (урбанизированную) идентичность [Oktay 2002], имеющую ряд составляющих [Bonaiuto et al. 1999]. Исследованы важные аспекты локальной идентичности: местная традиция [Bessière 1998], физический, социальный, чувственный, исторический аспекты [Shao 2014]. Обозначено направление исследования локальной идентичности жителей отдельных городов [Keogan 2002], практик местного гражданского активизма [Bauder 2016], практик именования улиц и сохранения памятников [Bass, Houghton 2018], возрождения локальных ритуалов [DiGregorio 2007], локальной идентичности как фактора развития экономического потенциала сообщества [Rausch 2005]. Важным аспектом исследования локальной идентичности является изучение локального активизма и его взаимосвязи с восприятием локального сообщества [Houston 2015; Kreek 2016; O'Brien 2005; Tartaglia, Rossi 2015].

Концептуализация понятия локальной идентичности в отечественной науке отражена в работах И.Ю. Окунева [Окунев 2018], Р.В. Евстифеева [Евстифеев 2017a], Е.В. Морозовой и Е.В. Улько [Морозова, Улько 2008]. Осмысление отдельных факторов, формирующих локальную идентичность, представлено в работах Н.Г. Федотовой [Федотова 2017], Е. Г. Довбыша [Довбыш 2012]. Проблемы теоретического осмысления и исследования отдельных аспектов городской идентичности представлены в работах Г.В. Горновой [Горнова 2018], Н.С. Дягилевой [Дягилева 2013], Е.О. Евсеенковой [Евсеенкова 2014] и др.

Большинство работ, посвященных изучению территориальных идентичностей молодежи, сопряжено с проблематикой гражданской [Теняева 2018; Арутюнова 2017], политической [Руткаускайте 2011], региональной [Миронцева, Бориско, Башмаков 2019] идентичностей, а также с изучением цифровой социализации как фактора, влияющего на пространство идентификации молодежи [Солдатова 2018].

Отдельно необходимо выделить исследования, выявляющие механизмы и практики взаимосвязи локальной идентичности, гражданского активизма и политического участия. Х. Бодер рассматривает локальный гражданский активизм как один из эффективных способов формирования городской идентичности коренных жителей и приезжих. На материалах исследования протестных акций в США и Канаде автор показывает, что главным фактором формирования городской идентичности становится общая политическая субъектность, основанная на солидарности местных жителей и приезжих в таких вопросах, как легализация и предоставление убежища мигрантам, трудовая дискриминация, борьба с расизмом, защита окружающей среды [Bauder 2016]. Р.В. Евстифеев отмечает, что именно активные и инициативные граждане, объединенные в неформальные группы, а также экспертные сообщества, становятся центром процессов солидаризации и оказывают влияние на формирование локальной идентичности. Они переосмысляют и переструктурируют прошлое и настоящее города, создают насыщенные смыслом и понятные для местного сообщества символы. Главными проблемами для развития такого сообщества становятся эффективное взаимодействие с органами власти в городе и трансфер символов и элементов идентичности в социально-политические практики [Евстифеев 2017b]. Роль политической субъектности в формировании локальной идентичности описывают Е.В. Морозова и Е.В. Улько, определяя пять типов такой субъектности жителей Краснодарского края в зависимости от степени актуализации локальной идентичности и с учетом связи когнитивного и оценочного компонентов идентичности с поведенческим [Морозова, Улько 2008].

Таким образом, в современной политической науке созданы теоретические предпосылки для концептуализации понятия локальной идентичности молодежи как многосоставного феномена в системе субъективного пространства политики, понимаемого как совокупность символических, идеологических и культурных образований, обусловливающих содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, функционирующих в политической сфере и влияющих на формы политических институтов и властных отношений [Самаркина 2017: 380].

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Концептуальная модель исследования строится на основе интеграции нескольких исследовательских парадигм. Использование феноменологического подхода к изучению жизненного мира позволяет рассмотреть ло-

кальную идентичность молодежи в системе субъективного пространства политики как результат восприятия ею жизненного мира, детерминированного особенностями локации и содержания деятельности этой особой социально-демографической группы общества. Социокультурный подход к исследованию политической реальности позволяет сопрягать анализ макрополитических процессов и их проекции на уровень индивида и сообществ, с которыми этот индивид себя соотносит. Концепция политических изменений И.С. Семененко и В.В. Лапкина [Лапкин, Семененко 2014] дает инструментарий анализа "человека постмодерна", представителя "общества знаний" и носителя "гибридной идентичности", который может реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате политики.

Локальная идентичность является низовым уровнем территориально-пространственной идентификации и связана с чувством сопричастности человека месту его проживания и/или происхождения [Назукина 2017: 512]. Концептуальная модель анализа локальной идентичности молодежи включает: параметры субъекта (молодежи), определяющие специфику этой социально-демографической группы; содержание феномена локальной идентичности; параметры объекта идентификации – поселения или иного места, значимого на данном жизненном этапе личности; практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность; систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности; механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики.

Эмпирическую базу исследования составили стенограммы 16 фокус-групп, проведенных в марте и апреле 2020 г. с молодежью городов Краснодарского края (Краснодар, Новороссийск, Сочи и Армавир). Верификация концептуальной модели проводилась на основе комплексной методики, в которую были интегрированы классические методы сбора эмпирической информации и специальные социально-психологические методики, адаптированные под задачи исследования.

Для исследования места локальной идентичности в системе социальных идентичностей молодежи был использован модифицированный вариант методики Куна-Макпартленда. В иерархии социальных идентичностей молодежи локальная (городская) идентичность ожидаемо не является доминирующей: локальная идентичность упоминается в ответах примерно пятой части участников фокус-групп в классической шкале идентичностей. Чаще упоминается общенациональная идентичность в ее прямом обозначении (гражданин России). Однако при актуализации задачи (назвать место, которое важно для человека) городская идентичность, наряду с региональной, выходит на лидирующие позиции в иерархии территориальных идентичностей. Нами выявлено, что значимость локальной принадлежности связана с размером города и социальной группой молодежи: чем меньше город, тем он оказывается более значимым для проживающей в нем молодежи; наиболее тесная эмоциональная связь с городом выявлена в самой младшей когорте молодежи (у школьников).

Содержание городской идентичности молодежи исследовалось с помощью адаптированной методики семантического дифференциала [Осгуд, Суси, Танненбаум 1972], позволившей описать семантическое пространство города как модель целостности мира [Bohm 1985], соединяющей две реальности: мир физический и мир смыслов [Налимов 1989], взаимосвязь между которыми обеспечивается потоками информации [Бергсон 2009; Уайтхед 1990]. Участники исследования выражали свое отношение к городу, в котором они живут, по параметрам шкалы классического семантического дифференци-

ала: хороший/плохой, приятный/неприятный, сильный/слабый, большой/маленький, быстрый/медленный, активный/пассивный, свой/чужой.

Результаты интерпретировались в контексте данных фокус-групп, что дало возможность также выявить знак идентичности (негативная, нейтральная, позитивная), т.е. преобладающий эмоционально-оценочный фон идентификационных характеристик. Полученные результаты позволяют нам описать семантическое пространство города в восприятии молодежи и выявить компоненты этого пространства, актуализирующие локальную идентичность в исследуемой социальной группе (параметры семантического дифференциала, получившие высокие баллы по шкале от 2 до 3), и те компоненты, потенциал которых не в полной мере реализован (баллы в позитивном спектре шкалы от 0 до 2); а также компоненты, блокирующие позитивную и формирующие негативную локальную идентичность (ниже нуля по шкале).

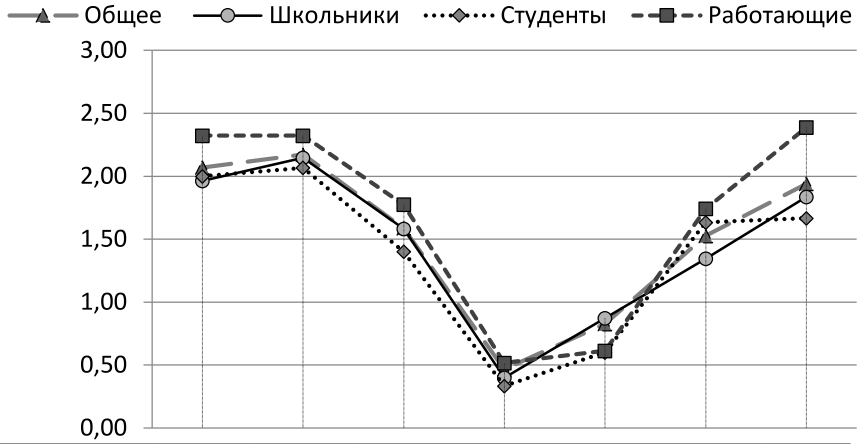
ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ЧАСТЬ ЖИЗНЕННОГО МИРА МОЛОДЕЖИ

В целом город как пространство жизненного мира воспринимается молодежью позитивно. Среди семи основных параметров описания города выше всего (максимально позитивно) по шкале располагаются параметры *оценки* (хороший, приятный) и *принадлежности* (свой), составляющие основу самоидентификации молодежи с ним (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Город в групповом семантическом пространстве молодежи (базовая часть методики семантического дифференциала)

The City in the Group Semantic Space of Youth (The Basic Part of the Semantic Differential Methodology)

	Хороший / плохой	Приятный / неприятный	Сильный / слабый	Большой / маленький	Быстрый / медленный	Активный / пассивный	Свой / чужой
Общее	2,07	2,17	1,59	0,47	0,83	1,53	1,94
Школьники	1,96	2,15	1,58	0,40	0,87	1,35	1,84
Студенты	2,00	2,07	1,40	0,33	0,60	1,63	1,67
Работающие	2,32	2,32	1,77	0,52	0,61	1,74	2,39

Минимальные значения имеют параметры семантического пространства, отражающие *активность* объекта восприятия – города (большой/маленький и быстрый/медленный). Эти параметры имеют значение выше нуля (т.е. оцениваются также позитивно), но ниже относительно других (в диапазоне 0,33-0,52 по шкале от −3 до +3), и отражают выявленную в фокус-группах тенденцию противоречивого отношения к объекту идентификации (городу), обуславливающего траекторию социальной мобильности ("возможно, уеду"; "хочу найти место, где смогу реализоваться в полной мере").

Дифференциация параметров семантического пространства города по шкале от минимальных значений к максимальным описывается последовательностью (от максимальных значений к минимальным): город, в котором живет молодежь однозначно хороший (2,07) и приятный (2,17); в целом свой (1,94); в целом сильный (1,59); активный (1,53); скорее быстрый, чем медленный (0,83); скорее большой, чем маленький (0,47). Анализ семантического пространства города, исходящий из того, что в представлениях молодежи гармонично и позитивно воспринимаемое пространство жизненного мира является основой для формирования позитивного типа идентичности, позволил выявить привлекательные и проблемные зоны этого пространства. Соответственно, технологические усилия властей должны быть направлены на расширение сферы конструктивной активности молодежи для того, чтобы в ее восприятии расширить пространство города и обеспечить рост параметров скорости и активности.

Для спецификации семантического пространства города участников фокус-групп просили выразить свое отношение и к параметрам, характеризующим социальное самочувствие людей, окружающий мир (природу), власть, общество, политику, единство городского пространства, социальный контекст (см. рис. 2). Общая конфигурация семантического пространства города в восприятии различных групп городской молодежи в базовом или специальном форматах (см. рис. 1, 2) не имеет принципиальных отличий. Вместе с тем дифференциация семантического пространства города на основе его специфических параметров показала, что их коннотативное значение для городской молодежи значительно ниже описанных выше базовых характеристик. Для сравнения отметим, что максимум по базовой шкале составил 2,17 (приятный город), по специфическим параметрам максимальное значение только 1,51 (отношение к *другим* – терпимое). Нижней точкой семантического пространства города стало восприятие этнической ситуации: на шкале между "люди одной национальности" и "много национальностей" ответы участников исследования сконцентрировались у позиции "много национальностей" (−1,81), что отражает в целом ситуацию во всех исследуемых городах Краснодарского края.

Контуры семантического пространства города по специфическим параметрам выглядят следующим образом (от максимума к минимуму): скорее терпимое отношение к другим (1,51); скорее свободное общество (1,45); скорее добрые люди (1,43); в социальном самочувствии доминирует социальный оптимизм (1,32); скорее здоровые люди (1,28); скорее чистая природа (1,22); скорее демократическая власть (1,17); скорее стабильное социально-экономическое положение (1,16); скорее единое пространство города (1,00). Они отражают имеющийся в представлениях молодежи, но пока не в полной мере реализованный потенциал локальной идентичности и могут выступать основанием для поиска направлений работы с молодежью.

Амбивалентное, противоречивое восприятие города в молодежной среде фиксируется в отношении к политике (0,98 – почти медианное значение между “политика для людей” и “политика для политиков”). Это опасный симптом, потенциально формирующий “негативную” идентичность, проявляющуюся в абсентеизме в самом широком смысле этого слова и в склонности к протестным настроениям в политике.

Рисунок 2 (Figure 2)

Город в групповом семантическом пространстве молодежи
(специальная часть методики семантического дифференциала)
The City in the Group Semantic Space of Youth
(The Special Part of the Semantic Differential Methodology)

	Люди добрые / злые	Люди здоровые / больные	Люди одной национальности / много национальностей	Социальное самочувствие: оптимизм / пессимизм	Социально-экономическое положение: стабильное / нестабильное	Природа чистая / загрязненная	Власть демократическая / авторитарная	Общество свободное / несвободное	Политика для людей / для политиков	Пространство единое / дифференцированное	Отношение к другим: Терпимое / нетерпимое	Религиозный / светский
Общее	1,43	1,28	-1,81	1,32	1,16	1,22	1,17	1,45	0,98	1,00	1,51	0,76
Школьники	1,44	1,38	-1,55	1,42	1,25	1,00	1,33	1,60	1,13	0,87	1,53	0,82
Студенты	1,43	1,27	-1,80	1,23	0,90	1,30	1,13	1,53	1,00	1,23	1,37	0,67
Работающие	1,42	1,13	-2,32	0,97	0,94	1,52	0,94	1,10	0,71	1,00	1,61	0,74

Максимальное расхождение имеют два параметра общей части дифференциала (хороший/плохой и свой/чужой). В первом случае (хороший/плохой)

максимальное расхождение в восприятии выявлено между группами работающей молодежи (2,34 – абсолютно хороший) и школьниками (1,96 – в целом хороший). Во втором случае (свой/чужой) – между группами работающей молодежи (2,39 – абсолютно свой) и студентами (1,67 – в целом свой). Это расхождение объясняется направленностью траектории социальной мобильности молодежи и подтверждается данными, полученными в рамках фокус-групп. Школьники, как правило, достаточно критично относятся к городу проживания и ориентированы в большинстве случаев на реализацию идеальной модели социальной мобильности – поступить в престижный вуз и покинуть родной город. В группе студентов локальную идентичность можно определить скорее как "формирующуюся", поскольку именно эта группа молодежи включает в себя максимальное количество приезжих (относительно других исследуемых групп молодежи), еще только формирующих представления о новой социальной локации и социальных практиках, связанных с ней.

Еще меньше отличий между группами молодежи выявлено в конфигурации семантического пространства города, построенного по параметрам специальной части семантического дифференциала (см. рис. 2). Оно практически совпадает в восприятии людьми своего здоровья, терпимого отношения к другим и восприятии конфессионального пространства города. Вместе с тем имеются очень небольшие акценты в восприятии разнообразия этнического состава города. Максимальное расхождение по этому параметру, очевидно, определяемое жизненным опытом и масштабом социальных контактов, мы обнаружили между школьниками и работающей молодежью. Следует отметить, что семантические пространства города именно этих групп молодежи по большинству параметров также имеют некоторые расхождения: восприятие социального самочувствия, социально-экономического положения, экологической ситуации, власти, общества, политики. И только в восприятии единства городского пространства максимальное расхождение мы обнаружили между работающей молодежью и студентами, что объяснимо, если брать во внимание "становящуюся" локальную идентичность студентов.

МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ КОНВЕРТАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ

Результаты исследования позволяют определить модели и триггерные зоны конвертации локальной идентичности в социально-политические практики. Взаимосвязь содержания локальной идентичности и практик ее реализации имеет диалектический характер и описывается двумя моделями конвертации – прямой и обратной.

В первом случае (прямая конвертация) актуализированные смыслы, связанные с локальным через механизмы конвертации, трансформируются в социально-политические практики: *"мы любим город и чувствуем себя в нем своими людьми. Мы знаем все, что в городе происходит: где, что и как! Мы знаем многих людей и многие (благодаря нашей работе для города) знают нас! Поэтому мы ощущаем себя своими! Это – наш город!"* (Армавир, школьники).

Во втором случае (обратная модель конвертации) через общественно-политические практики актуализируются смыслы, связанные локальным: *"Во многих наших проектах не было цели формировать локальную идентичность. Но я вижу, что чувство сплоченности, сопричастности городскому сообществу возникает как 'побочный эффект' таких проектов; люди узнают друг друга, получают положительные эмоции, начинают ощущать свое единство и сопричастность"* (Краснодар, студенты).

В рамках исследования выявлены три триггерные зоны конвертации локальной идентичности в социальные и социально-политические практики городской молодежи, обладающие различными ресурсами актуализации локальной идентичности: зона прямой конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные практики молодежи; зона потенциальной конвертации и зона потенциальной конвертации ресурсов локальной идентичности в деструктивные (в том числе протестные) социально-политические практики молодежи.

Ближе всего к зоне прямой конвертации находится восприятие города как пространства многонациональных отношений.

В зоне потенциальной конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социальные и социально-политические практики молодежи находятся следующие направления (практики) работы с молодежью:

– ориентированные на помощь горожанам: *“Ты вдруг начинаешь понимать, что радостные лица, эмоции и хорошее настроение многих десятков людей вокруг тебя – детей, молодежи, взрослых – это благодаря тому, что сделали мы!”* (Армавир, школьники);

– формирующие здоровый образ жизни: *“Я согласна, что не только материально можно помогать городу. Можно просто позвать друзей выйти на площадь и вместе позаниматься спортом (описывает проект ‘Городская зарядка’). В этом нет ничего трудного, но это будет сближать граждан”* (Краснодар, школьники);

– ориентированные на решение актуальных социальных проблем, влияющие на социальное самочувствие молодежи и улучшающие ее социально-экономическое положение: *“Общественная жизнь сближает людей и сближает тебя с городом. Поступив в техникум и начав активную общественную деятельность, я ближе познакомилась с городом и действительно его полюбила. Я здесь учусь, собираюсь здесь работать и жить дальше!”* (Сочи, студенты);

– вписанные в пространство (экологию) города: *“Я делаю город лучше прямо сейчас: я не выкидываю мусор на улицах, сортирую его. Мне кажется, это хоть и не масштабное мероприятие, но помогает сделать мой город лучше”* (Краснодар, студенты);

– ориентированные на взаимодействие с местной властью: *“Молодежь знает главу города, с ним можно встретиться и поговорить. Не только с ним, с депутатами, они нас тоже слышат и работают с нами. Важно, что с ними у нас не только официальные, но и неформальные отношения. Мы (ученический совет) периодически играем в футбол с депутатами Городской думы (Армавира) и депутатами Законодательного собрания (Краснодарского края)”* (Армавир, школьники);

– отражающие опыт открытого свободного взаимодействия субъектов публичной сферы: *“Я не сразу почувствовала себя нужной, своей в этом городе (Сочи), пока не начала делать что-то полезное. Я стала волонтером. Когда принадлежишь какой-то группе и делаешь что-то полезное, ты чувствуешь, что ты нужен этим людям и этому городу”* (Сочи, студенты);

– продвигающие толерантное отношение к другим: *“Конечно, такие проекты формируют чувство городского единства! Вы знаете, как хорошо после таких мероприятий! Я чувствую себя нужной людям. Вижу, как мои действия меняют взаимоотношения между людьми!”* (Сочи, школьники).

В зоне потенциальной конвертации ресурсов локальной идентичности в деструктивные (в том числе протестные) социальные и социально-политические практики молодежи находятся две точки семантического пространства города:

– единство и комфорт городского пространства для молодежи: *“Конечно, общественные организации могут привлечь внимание к проблеме (обсуждается*

городская свалка), но решить проблему мы не можем, поскольку у нас для этого нет никаких средств и сил" (Краснодар, студенты);

– городское публичное пространство, политический сегмент которого, по мнению существенной части молодежи, является для нее закрытым: *"У нас есть желание решить проблемы, которые накопились. Но от того, что мы будем ходить с плакатами и что-то говорить, ничего не изменится, только усугубится"* (Краснодар, студенты).

Совмещение описанных семантических пространств позволяет нам сформулировать основные технологии конвертации потенциала локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи: вовлечение молодежи в практики, формирующие субъектную позицию, публично позитивно оцениваемые лидерами мнений и представителями основных групп городского сообщества, направленные на формирование единого, динамичного, комфортного городского пространства и расширение его субъективного восприятия молодежью, включающего актуальные для молодежи сферы ее жизненного мира. Среди выявленных механизмов конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи отметим следующие.

1. Административно-управленческий механизм, предполагающий целенаправленное регулирование и активизацию социальной активности молодежи через планируемые проекты и мероприятия, включающие ресурсы нескольких участников муниципальной молодежной политики: *"У нас периодически проходят встречи с главой города, там мы предлагаем наши проекты. Он наши проекты рассматривает и помогает в реализации"* (Армавир, школьники).

2. Политический механизм, актуализирующий значимые смыслы за счет конвертации значимых ценностей (патриотических) в локальную и социальную проекцию: *"К нам каждый год приходят ветераны войны, рассказывают о войне, о тех ужасах, с которыми столкнулись люди, и подвигах на фронте и в тылу. Мороз по коже – когда понимаешь, что все это происходило именно здесь"* (Армавир, школьники).

3. Публичный механизм конвертации, включающий в себя общественные организации в качестве инициаторов практик: *"Наш Молодежный парламент реализует проект 'Время истории'. Это викторины для школьников, мы провели их до пандемии в восемнадцати школах Краснодара. Я считаю, что это очень важный проект, несмотря на то что он неосязаем"* (Краснодар, студенты).

4. Отдельного внимания заслуживает сетевой механизм конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи в цифровом пространстве через практики использования социальных медиа, интернет-сайтов, форумов для получения необходимой информации, индивидуальные коммуникации, которые использует основная часть молодежи, практики цифрового участия, связанного с различными форматами создания информационной повестки, внедрения общественных инициатив, вовлечения других пользователей в конкретные практики, которые в дальнейшем могут быть интегрированы в реальное публичное пространство.

* * *

Проведенное исследование позволило конкретизировать представления о содержании и механизмах взаимосвязи неинституциональных компонентов политики, конвертации феноменов субъективного пространства политики в реальные общественно-политические практики.

Установлено, что локальная идентичность является низовым уровнем территориально-пространственной идентификации и связана с чувством сопричастности человека месту его проживания и/или происхождения. Определены основные компоненты концептуальной модели анализа локальной идентичности молодежи: параметры субъекта (молодежи), определяющие специфику этой социально-демографической группы; содержание феномена локальной идентичности; параметры объекта идентификации – поселения как значимого на данном жизненном этапе личности места; практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность; систему факторов, влияющих на процесс ее актуализации, формирования и динамики; механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики.

В рамках исследования выявлены три триггерные зоны, обладающие различными ресурсами актуализации локальной идентичности и выявлены основные механизмы конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи: административно-управленческий, политический, публичный и сетевой.

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.07

LOCAL IDENTITY AND MECHANISMS OF ITS CONVERSION INTO CONSTRUCTIVE SOCIO-POLITICAL PRACTICES OF YOUTH

I.V. Samarkina[1], I.S. Bashmakov[1]

[1] *Kuban State University. Krasnodar, Russia*

SAMARKINA, Irina Vladimirovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of Management and Psychology Faculty, Professor of Public Policy and Public Management Department, Kuban State University, email: smrkn@mail.ru;
BASHMAKOV, Igor Stanislavovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor of Public Policy and Public Management Department, Kuban State University, email: igorbash87@mail.ru

Samarkina I.V., Bashmakov I.S. Local Identity and Mechanisms of its Conversion into Constructive Socio-Political Practices of Youth. – Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 99-112. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and administration of Krasnodar Territory, project number 19-411-235002 "Local identity as a resource for the involvement of youth of a big and large city in constructive socio-political practices (based on materials from the Krasnodar Territory)".

Received: 24.09.2020. Accepted: 21.12.2020

Abstract. The results of the authors' research concerning local (urban) youth identity, alongside the manner in which it develops into constructive socio-political practices, are presented in this article (based on materials from the Krasnodar Territory). The authors describe urban youth identity as a part of the subjective space influencing the organizational forms and content of local youth socio-political practices and their participation in power relations. The theoretical model includes parameters of youth as a specific socio-demographic group such as a special stage of socialization, attitudes towards social mobility, type of organization, number, etc. The content of local identity and the parameters of the city as an identification object were taken into consideration. The conceptual model also includes practices of social activity in which local identity is realized, a system of factors influencing the process by which local identity actualizes, forms, and changes, and mechanisms for converting local identity into social practices. Empirical research showed that local (urban) identity informs the social and territorial identities of urban youth, and its character depends on the size of the city and the category of young people. The authors describe the semantic space of the city (the attitude towards the city) and the features of its configuration in different age groups. The direct and inverse models of converting the meanings of local (urban) identity into the socio-political practices of young people and their dialectical nature were revealed. Three trigger zones actualizing local identity and converting it into socio-political practices were characterized (a zone of direct conversion, a zone of potential conversion of local identity into constructive practices, and a zone of potential conversion of local identity into destructive practices). The administrative, political, public, and network mechanisms for converting local (urban) identity into constructive socio-political practices of youth were identified and described.

Keywords: subjective space of politics, local identity, urban identity, socio-political practices, network practices, youth, conversion of identity resources, conversion models, conversion mechanisms.

References

Bass O., Houghton J. 2018. Street Names and Statues: The Identity Politics of Naming and Public Art in Contemporary Durban. – *Urban Forum*. Vol. 29. No. 4. P. 413-427.

Bauder H. 2016. Possibilities of Urban Belonging. – *Antipode*. Vol. 48. No. 2. P. 252-271. http://doi.org/10.1111/anti.12174

Bessière J. 1998. Local Development and Heritage: Traditional Food and Cuisine as Tourist Attractions in Rural Areas. – *Sociologia Ruralis*. Vol. 38. No. 1. P. 21-34. https://doi.org/10.1111/1467-9523.00061

Bohm D. 1985. *Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm*. London: Emissary Foundation International. 192 p.

Bonaiuto M., Aiello A., Perugini M., Bonnes M., Ercolani A.P. 1999. Multidimensional Perception of Residential Environment Quality and Neighbourhood Attachment in the Urban Environment. – *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 19. No. 4. P. 331-352. https://doi.org/10.1006/jevp.1999.0138

DiGregorio M. 2007. Things Held in Common: Memory, Space and the Reconstitution of Community Life. – *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 38. No. 3. P. 441-465. http://doi.org/10.1017/s0022463407000215

Houston C. 2015. Politicizing Place Perception: a Phenomenology of Urban Activism in Istanbul. – *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 21. P. 720-738. http://doi.org/10.1111/1467-9655.12284

Keogan K.A. 2002. Sense of Place: The Politics of Immigration and the Symbolic Construction of Identity in Southern California and the New York Metropolitan Area. – *Sociological Forum*. Vol. 17. No. 2. P. 223-253.

Kreek M. de. 2016. *Collective Empowerment through Local Memory Websites: Balancing Between Group Interest and Common Good*. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam. 122 p.

Lynch K. 1960. *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press. 208 p.

Morgan F.W. 1939. Three Aspects of Regional Consciousness. – *Sociological Review*. Vol. 31. No. 1. P. 68-88. http://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1939.tb02019.x

O'Brien E.A. 2005. Publics and Woodlands in England: Well-Being, Local Identity, Social Learning, Conflict and Management. – *Forestry: An International Journal of Forest Research*. Vol. 78. No. 4. P. 321-336. https://doi.org/10.1093/forestry/cpi042

Oktay D. 2002. The Quest for Urban Identity in the Changing Context of the City. – *Cities*. Vol. 19. No. 4. P. 261-271. http://doi.org/10.1016/S0264-2751(02)00023-9

Paasi A. 2011. The Region, Identity, and Power. – *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 14. P. 9-16. http://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.011

Rausch A.S. 2005. Local Identity, Cultural Commodities, and Development in Rural Japan: The Potential as Viewed by Cultural Producers and Local Residents. – *International Journal of Japanese Sociology*. Vol. 14. P. 122-137. http://doi.org/10.1111/j.1475-6781.2005.00073.x

Seamon D., Sowers J. 2008. Ch. 6. Place and Placelessness (1976): Edward Relph. – *Key Texts in Human Geography*. Ed. by P. Hubbard, R. Kitchen, G. Vallentine. London: Sage. P. 43-51. http://doi.org/10.4135/9781446213742.n6

Shao Y. 2014. *Local Identity Identification & Assessment the Theory, Methodology and Practice of Discovering Local Identity in Yantai, China*. PhD Thesis, University of Sheffield.

Tartaglia S., Rossi M. 2015. The Local Identity Functions in the Age of Globalization: A Study on a Local Culture. – *Community Psychology in Global Perspective*. Vol. 1. No. 1. P. 105-121. http://doi.org/10.1285/i24212113v1i1p105

Tuan Yi-fu. 1977. *Space and Place: The Perspective of Experience*. London: Edward Arnold. 235 p.

Arutyunova E.M. 2017. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i ehtnicheskaya identichnosti molodezhi: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika [State-Civil and Ethnic Identities of the Youth: the all-Russian Context and Regional Specificity]. – *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in Reforming]. Ed. by M.K. Gorshkov. Iss. 15. Moscow: New Chronograph. P. 259-272.

Bergson H. 2009. L'Évolution créatrice. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya ehvolyutsiya*. Moscow: Direkt-Media. 608 p.)

Dyagileva N.S. 2013. Teoreticheskie aspekty gorodskoi identichnosti [Theoretical Aspects of Urban Identity]. – *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Branding of Small and Medium-sized Cities in Russia: Experience, Problems, Prospects: Materials of the International Scientific and Practical Conference] (Yekaterinburg, March 28-29, 2013). Yekaterinburg: UrFU. P. 54-59. (In Russ.)

Dovbysh E.G. 2012. Network Technologies of Shaping Urban Identity. – *Human. Community. Management*. No. 4. P. 111-118. (In Russ.)

Evseenkova E.O. 2014. The Modality of Urban Identity. – *Perm Federal Research Centre Journal*. No. 5. P. 80-86. (In Russ.)

Evstifeev R.V. 2017a. Research of Local Identities: Theoretical Approaches and Perspective Directions. – *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 3. No. 2. P. 3-9. (In Russ.) http://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9

Evstifeev R.V. 2017b. Tsennosti lokal'noi identichnosti i potentsial mestnykh soobshchestv v protsesse vzaimodeistviya s organami vlasti [Local Identity Values and the Potential of Local Communities in the Process of Interaction with Authorities]. – *Rossiiskaya gosudarstvennost' v XXI veke: modeli i perspektivy sotsial'no-*

politicheskogo razvitiya. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russian Statehood in the XXI Century: Models and Prospects of Socio-Political Development. Materials of the Scientific and Practical Conference]. (Vladimir, October 13, 2017). Vladimir: VFGBOU VO "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation". P. 88-91. (In Russ.)

Fedotova N. 2017. The Formation of Urban Identity: Factorial and Institutional Aspects. – *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 3. P. 32-49. (In Russ.)

Gornova G.V. 2018. Harmony between the City and the Man: Problems of Forming City Identity. – *PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics*. No. 3. P. 43-56. (In Russ.) http://doi.org/10.23951/2312-7899-2018-3-43-56

Lapkin V.V., Semenenko I.S. 2014. Lichnost' i politika v sotsial'noi real'nosti "infomodernity" [Personality and Politics in Social Reality "infomodernity"]. – *Political Changes in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting*. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moscow: IMEMO RAN. P. 177-200. (In Russ.)

Meleshkina E.Yu. 1999. Regional'naya identichnost' kak sostavlyayushchaya problematiki rossiiskogo politicheskogo prostranstva [Regional Identity as a Component of the Problems of the Russian Political Space]. – *Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoi kul'tury v Rossii: materialy seminara* [Regional Self-awareness as a Factor in the Formation of Political Culture in Russia: Materials of the Seminar] (Tver, March 5-7, 1999). Ed. by M.V. Ilyin, I.M. Busygina. Moscow: Moscow Public Science Foundation (MPSF). P. 126-137. (In Russ.)

Mirontseva S.A., Borisko O.A., Bashmakov I.S. 2019. *Formirovanie regional'noi identichnosti molodezhi v kul'turno-obrazovatel'noi srede Krasnodarskogo kraya: monografiya* [Formation of Regional Identity of Youth in the Cultural and Educational Environment of the Krasnodar Territory: Monograph]. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya. 212 p. (In Russ.)

Morozova E.V, Ulko E.V. 2008. Local Identity: Forms of Actualization and Types. – *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 4. No. 4. P. 139-151. (In Russ.)

Nalimov V.V. 1989. *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality]. Moscow: Prometheus Publisher. 288 p. (In Russ.)

Nazukina M.V. 2011. Regional'naya identichnost' [Regional Identity]. – *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1: Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: Slovar' terminov i ponyatii* [Political Identity and Identity Politics: In 2 vol. Vol. 1: Identity as a Category of Political Science: Glossary of Terms and Concepts]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: ROSSPEN. P. 143-147. (In Russ.)

Nazukina M.V. 2017. Lokal'naya identichnost' [Local Identity]. – *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: Ves Mir. P. 512-516. (In Russ.)

Okunev I.Yu. 2018. Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts. – *Comparative Politics, Russia*. Vol. 9. No. 1. P. 18-25. (In Russ.) http://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00002

Osgood C.E., Suci G., Tannenbaum P. 1972. *The Measurement of Meaning*. (Russ. ed.: Osgood C.E., Suci G., Tannenbaum P. Prilozhenie metodiki semanticheskogo differentsiala k issledovaniyam po ehstetike i smezhnym problemam. – *Semiotika i iskusstvometriya*. Yu.M. Lotman, V.M. Petrov. Moscow: Mir Publishers. P. 278-297.)

Rutkauskaite M.V. 2011. Formirovanie politicheskoi identichnosti molodezhi posredstvom napravlennoi politicheskoi sotsializatsii [Formation of Political Identity of Youth Through Targeted Political Socialization]. – *Bulletin of Perm University. Political Science*. No. 3. P. 19-28. (In Russ.)

Samarkina I.V. 2017. Sub"ektivnoe prostranstvo politiki [Subjective Space of Politics]. – *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir. P. 380-384. (In Russ.)

Smirnyagin L.V. 2007. O regional'noi identichnosti [About Regional Identity]. – *Menyayushchayasya geografiya zarubezhnogo mira. Issue 17: Voprosy ehkonomicheskoi i politicheskoi geografii zarubezhnykh stran* [The Changing Geography of the Foreign World. No. 17. Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries]. Ed. by A.S. Fetisov, I.S. Ivanova, I.M. Kuzina. Moscow, Smolensk: Oikumena. P. 21-49. (In Russ.)

Soldatova G.U. 2018. Digital Socialization in the Cultural-Historical Paradigm: A Changing Child in a Changing World. – *Social Psychology and Society*. Vol. 9. No. 3. P. 71-80. (In Russ.) http://doi.org/10.17759/sps.2018090308

Tenyaeva O.V. 2018. Grazhdanskaya identichnost' kak osnova formirovaniya sotsial'noi aktivnosti rossiiskoi molodezhi [Civic Identity as the Basis for the Formation of Social Activity of Russian Youth]. – *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 4. No. S2. P. 248-253. (In Russ.)

Turovsky R.F. 2003. Sootnoshenie kul'turnykh landshaftov i regional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii [Correlation of Cultural Landscapes and Regional Identity in Contemporary Russia]. – *Identichnost' i geografiya v postsovetskoi Rossii* [Identity and Geography in Post-Soviet Russia]. Ed. by M. Bassin, K.E. Aksenov. St. Petersburg: Helikon Plus. P. 139-173. (In Russ.)

Whitehead A.N. 1990. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Moscow: Progress. 720 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Арутюнова Е.М. 2017. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика. – *Россия реформирующаяся*. Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 15. М.: Новый Хронограф. С. 259-272.

Бергсон А. 2009. Творческая эволюция. Москва: Директ-Медиа. 608 с.

Горнова Г.В. 2018. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности. – *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. № 3. С. 43-56. http://doi.org/10.23951/2312-7899-2018-3-43-56

Довбыш Е.Г. 2012. Сетевые технологии формирования городской идентичности. – *Человек. Сообщество. Управление*. № 4. С. 111-118.

Дягилева Н.С. 2013. Теоретические аспекты городской идентичности. – *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы*: *материалы Международной научно-практической конференции* (Екатеринбург, 28–29 марта 2013 г.). Екатеринбург: УрФУ. С. 54-59.

Евсеенкова Е.О. 2014. Модальность городской идентичности. – *Вестник Пермского научного центра УРО РАН*. № 5. С. 80-86.

Евстифеев Р.В. 2017a. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления. – *Научный результат. Социология и управление*. Т. 3. № 2. С. 3-9. http://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9

Евстифеев Р.В. 2017b. Ценности локальной идентичности и потенциал местных сообществ в процессе взаимодействия с органами власти. – *Российская государственность в XXI веке: модели и перспективы социально-политического развития. Материалы научно-практической конференции* (Владимир, 13 октября 2017 г.). Владимир: ВФГБОУ ВО “Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации”. С. 88-91.

Лапкин В.В., Семененко И.С. 2014. Личность и политика в социальной реальности “infomodernity” – *Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования*. Редколлегия: И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН. С. 177-200.

Мелешкина Е.Ю. 1999. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства. – Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы семинара (Тверь, 5-7 марта 1999 г.). Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. Москва: МОНФ. С. 126-137.

Миронцева С.А., Бориско О.А., Башмаков И.С. 2019. Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края. Краснодар: Перспективы образования. 212 с.

Морозова Е.В., Улько Е.В. 2008. Локальная идентичность: формы актуализации и типы. – *Политическая экспертиза: Политэкс*. Т. 4. № 4. С. 139-151.

Назукина М.В. 2011. Региональная идентичность. – *Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий*. Под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН. С. 143-147.

Назукина М.В. 2017. Локальная идентичность. – *Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 512-516.

Налимов В.В. 1989. *Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности*. М.: Издательство “Прометей” МГПИ им. Ленина. 288 с.

Окунев И.Ю. 2018. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий. – *Сравнительная политика*. Т. 9. № 1. С. 18-25. http://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00002

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. 1972. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. – *Семиотика и искусствометрия*. Под ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петров. М.: Мир. С. 278-297.

Руткаускайте М.В. 2011. Формирование политической идентичности молодежи посредством направленной политической социализации. – *Вестник Пермского университета. Политология*. № 3. С. 19-28.

Самаркина И.В. 2017. Субъективное пространство политики. – *Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 380-384.

Смирнягин Л.В. 2007. О региональной идентичности. – *Меняющаяся география зарубежного мира Вып. 17. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной. Москва-Смоленск: Ойкумена. С. 21-49.

Солдатова Г.У. 2018. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. – *Социальная психология и общество*. Т. 9. № 3. С. 71-80. http://doi.org/10.17759/sps.2018090308

Теняева О.В. 2018. Гражданская идентичность как основа формирования социальной активности российской молодежи. – *Ученые записки Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педогогика. Психология*. Т. 4 (70). № S2. С. 248-253.

Туровский Р.Ф. 2003. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. – *Идентичность и география в постсоветской России*. Под ред. М. Бассина, К.Э. Аксенова. СПб.: Геликон Плюс. С. 139-173.

Уайтхед А. 1990. *Избранные работы по философии*. М.: Прогресс. 720 с.

Федотова Н.Г. 2017. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты. – *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 20. № 3. С. 32-49.